

ПЛЕНЭР НА БЕЛОЙ

Очередное наше парусное путешествие состоялось по реке Белой от Кушнаренково до Уфы, выше города и обратно до изначального пункта. От Нижнего Новгорода до стартовой точки мы «доскакали» на автолошадных силах» относительно быстро, но засветло не успели. Искали на реке наш катамаран по топовым огням, благо грот-мачта у нас высокая — 14 метров, да и капитан подсвечивал мощным фонарём местоположение парусника. Разгружаться решили утром засветло: ночью переносить с крутой горы снаряжение нецелесообразно и опасно, а его, как всегда, необъятное количество. Сначала большой внедорожник проседает от груза, затем парусник делает заметную осадку. Хотя с юности приучал себя делать жёсткий отбор снаряжения, тем более, раньше всё приходилось носить на себе. Наши планы всегда широки: писать этюды — значит, для каждого этюдник, краски, холсты-картоны и самодельная сушилка для работ; рыбачить — это спининги, удочки, блёсны, сапоги-бахилы; в населённых пунктах и городах экскурсии, посещение музеев — значит, «парадных мундиры» и благозвучное слово «гаджеты», т.е. фотоаппараты, навигаторы, телефоны; для бытовых нужд — спальные мешки, одежда, провиант..., чуть про гитару не забыл.

Утро на реке всегда самое удивительное время: пробуждение природы, восход солнца, пение птиц, рыба играет и дразнит бывалого рыбака. На берегу обычные утренние звуки встрепенувшихся петухов, мычание коров, беззлобный собачий лай. Вдоль берега уже стоят пацаны-рыболовы и сугулые силуэты рыбаков-ветеранов. Утренняя обильная роса бодрит и напоминает, что июльский день будет жарким, так что торопись сделать утренний этюд, поймать на блесну щучку и затем совершить марш-бросок километров на 30-40, чтобы найти красивейшую точку для нового пейзажа. Ветер как обычно поднимается через 2-3 часа (как раз успеть написать этюд) и начинает теревить уголки паруса, сложенного с вечера, приглашая спеть с грот-парусом и стакселем дорожную песню.

Первый день плавания всегда самый трогательный: важно оторваться от берега, совершив отрыв от надоевшей повседневности и банальной суеты. Испытываешь восторг от всего: знакомой палубы — как будто и не было годовалого перерыва, от парусов родных наощупь — сколько раз в день их приходится поднимать и сворачивать. А каков запах речного ветра — он всегда особый и неповторимый у каждой реки. Даже чайки разные — и размером и окрасом. Что там говорить о берегах: крутых и пологих, глиняных и песчаных, даже гипсовых. Если уж рассуждать дальше, то и глина с песком разные: глина может быть жёлтой, оранжевой и белой (кстати, лечебная), песок мелкий и крупный, жёлтый и поч-

ти белый. Вода... сердце замирает от этого волшебного слова. Вода рек и озёр, водохранилищ и морей — как описать многообразие их цвета, прозрачности и температур. Тут спокойно можно накатать на трактат, даже на диссертацию. Но самое существенное разнообразие по берегам: под белыми облаками, под речной радугой открываются пейзажи природные, пейзажи деревень, сёл, городов.

*Наполнит лето парус ветром,
Умчимся к весьям, городам.
Спасибо радуге завета:
Внимаем мудрость по слогам.*

Однако мы бежим по реке Белой. Хотя это далеко — в Башкирии, но первоначально ничего особенного — обычный речной пейзаж. Но постепенно начинаешь ощущать неуловимые и явные отличия. Невольно задаёшь вопрос — отчего реку называют Белой? Башкиры ещё называют Агидель в переводе — Белая река. Начинает она свой бурный поток с Южного Урала, протекает среди горных пород, поэтому в береговой структуре много известняка, гипса и они, растворяясь речной струёй, окрашивают воды белым цветом. А говорят: молочные реки только в сказках...

*От Урала до Камы бежит сквозь века
Агидель, беловодная сказка-река.*

Этюды писали при первой возможности. Места выбирались придиричливо, но не всегда была возможность подойти к желанному берегу, а на самой реке не везде можно было бросить якорь. Находили компромиссы, но творчество выигрывало всегда. Состояние меняется в музыкальном ритме: нужно включать интеллектуальные и физические ресурсы: опыт, скорость. Остальное: жара или дождь, качка на волнах и ветер — должны быть «по боку». Всё это на платформе вдохновения.

В середине похода перед нами открылся удивительно красивый город Уфа. Он предстал при утреннем свете, как мираж: на переднем плане арочный мост, в пастельных тонах сказочный город с современными теремами, и к нему приглашает серебристая дорога реки. Город на нас произвёл замечательное впечатление. Красивым фасадом он тянется вдоль Белой на протяжении 20 км. Река в свою очередь совершает петлю и принимает в свои объятия реку Уфу. В переводе с башкирского «Чёрная река».

Написав несколько этюдов на подходе к городу, под парусами вошли в незнакомую столицу, и тут нас тепло встретил Наиль Бахтизин, давний товарищ нашего попутчика Виктора ещё со студенческих времён. Он башкир и занимает видное место в столице своей республики. Человек необыкновенно гостеприимный и внимательный: он сам понял, что нам нужно увидеть в этом неизвестном для нас городе и услышать ритм и дыхание неожиданно раскрывшейся башкирской столицы: монумент дружбы и братского соединения русского и башкирского народов, легендарную историю воина — поэта Салавата Юлаева и величественный памятник этому башкирскому герою на коне на откосе реки Белой. Бюст Денису Давыдову, поэту и легендарному герою отечественной войны 1812 года. Главное наше разочарование, что мы не попали в музей М.В. Нестерова — был закрыт. Кроме подробной экскурсии по городу Наиль одарил нас башкирским мёдом и другими угощениями. Одухотворённые добрым приёмом и красотой Уфы, мы ринулись дальше вверх по Белой навстречу новым впечатлениям и этюдам. Знакомились с бакенщиками, ловили рыбу, при подходящем ветре поднимали паруса, любовались небесной голубизной, водным ультрамарином, утренними туманами, вечерней симфонией цвета.

*По волнам ультрамарина,
Раздвигая небеса,
Ветер в белом мчится смело,
Раздувая паруса.*

*В голубом просторе неба
Мчится смело ветер в белом.*

ПАСХАЛЬНЫЙ КИОТ

В моей творческой мастерской в «красном углу» живёт сакральной жизнью небольшой киот, который имеет все атрибуты домашней церкви: иконы, лампада, свечи и вышитое полотенце. Издревле к празднику Пасхи убираются в доме и в первую очередь наводят порядок в иконном уголке: украшают его пасхальными яйцами, цветами. И он становится пасхальным. Готовя киот к Пасхе, всегда вспоминаю, как мы ещё молодые с друзьями художниками и со своими семьями пришли на пасхальную службу в церковь собора Пресвятой Богородицы на Рождественской улице (Рождественская церковь). С вечера была ужасающая погода: дул сильный порывистый ветер, шёл дождь со снегом и мы, маловерные, внутри себя сокрушались: как же так — на Пасху, да без солнца. Даже в древнем кирпичном храме во время праздничной службы слышался гул сильного ветра, хлопали оконные ставни. Каково же было наше удивление, когда утром, выходя из храма после пасхальной службы, мы увидели чистое небо, ещё не погасшие утренние звёзды, чистый умытый город, спокойные Волгу и Оку, обнимающиеся в могучем слиянии на легендарной Стрелке, над которой возвышался величественный собор Александра Невского. На краю неба поднимался диск солнца — воскресшее пасхальное чудо!

Для меня каждый предмет, ставший сакральным в гармонии молитвенного киота, имеет свою дорогую памятную историю. Деревянный уголок, ставший киотом, я приобрёл на Первой Международной Православной выставке, посвящённой 100-летию прославления в лике святых преподобного Серафима Саровского в 2003 году на Нижегородской ярмарке. По приглашению руководства ярмарки проходила моя большая персональная выставка, на которой продемонстрировал свою новую картину «Отец Серафим, Саровский обители иеромонах и пустыльник». По итогам Православной выставки был награждён памятным знаком Серафима Саровского. Любопытно, что приобретённый иконный уголок был сделан и привезён из Курска, родины преподобного Серафима Саровского.

Самые дорогие для меня древние иконы Спасителя и Богородицы, расположенные в киоте, связаны с юношескими воспоминаниями о походах на этюды по старинным сёлам и деревням нашей губернии. В то время люди, отравленные атеизмом, легко расставались с предметами культа и даже избавлялись от груза прошлого: крестов, икон, книг, старинной мебели и расшитых вручную одежд. Вместе с этюдами мы привозили и предметы старины. В одном из творческих походов на велосипедах по области мы нашли в сырой кладовке и спасли от полного истлевания церковные облачения. Недавно передал их в церковный музей Печерского Вознесенского монастыря в надёжные руки архимандрита Тихона. Для образа Спасителя дочь Маша, ещё в отроческом возрасте, к очередной Пасхе сшила и укрепила на иконе парчовое обрамление и закрепила на нём примитивные украшения (самое дорогое, что у неё было) по аналогии виденного на почитаемых иконах в храмах. Владимирская Богородица всегда вызывает во мне особый трепет и волнение силой и глубиной своего духовного и эстетического образа. Иконы, написанные старыми мастерами и имеющие следы мо-

литвенных почитаний и многолетних испытаний, рождают в душе благоговение и искреннюю потребность поклониться первообразу, вековой истории этих икон и мастерам, создавшим эти шедевры.

В глубине киота располагаются небольшие иконы, привезённые из соловецкого монастыря во время парусного похода на Белое море в 2008 году, из Острожского монастыря в Черногории, где с группой нижегородских и московских художников мы писали горы, Адриатическое море и православные храмы на творческом пленере в 2011 году. На малой полочке киота, расписанные вручную, пасхальные яйца, подаренные дочерьми и подрастающей внучкой. В центре большое, украшенное особым образом пасхальное яйцо, которое мне подарил на открытии юбилейной персональной выставки «Звон небес» в центральном выставочном комплексе на пл. Минина и Пожарского в 2003 году бывший тогда ещё игуменом Августин (Анисимов) из г. Иваново. Наши дружеские отношения начались ещё с выпуска его книги «Записки миссионера», где на обложке была размещена написанная мной картина «Георгий Победоносец». Затем в г. Иваново в «Шереметев-центре» проходила наша совместная с Владимиром Величко выставка, и на её открытии глубоко и проникновенно говорил игумен Августин. Сейчас он епископ Городецкий и Ветлужский и настоятель Фёдоровского монастыря в г. Городце. Проходят годы и на моей юбилейной выставке «Пред небесной высотой» в центральном выставочном комплексе на пл. Минина и Пожарского в 2013 году он дарит икону Серафима Саровского, написанную сестрами иконописной мастерской Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря. И опять наши духовно — творческие пути сходятся: к 600-летию преподобного Варнавы Ветлужского я написал одноимённую картину, которая была представлена на праздновании дней Варнавы Ветлужского в июне 2017 г. в городе Варнавино.

Киот обрамляет расшитое полотенце — убрус, которым истари на Руси традиционно украшали киоты и иконы, особенно на юге и Украине. Этот вручную расшитый убрус мне привезла сестра из Киева. Многие годы молитвенный киот благословляет и вдохновляет на творческую работу и жизненные поступки.

МЕЛЬНИКОВ (АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ) — НИЖЕГОРОДСКИЙ БЫТОПИСАТЕЛЬ

Нижегородская областная организация Союза писателей России давно уже стало благодарным приютом для художественных выставок нижегородских художников и других регионов. Картина «Мельников-Печерский» нашла логическое пристанище в Союзе писателей. Имя нашего земляка-писателя, к сожалению, мало звучит на устах нижегородцев, и нет его в скрижалях литературной братии. А этого писателя уже в XIX веке сравнивали с Гомером и безоговорочно признавали знатоком народного быта и жизни. Критик А. А. Измайлов определил Мельникова как «коренника-бытописателя», М. Горький называл «богатейшим лексикатором».

Главным признанным и, можно сказать, эпохальным произведением писателя была диалогия «В лесах» и «На горах». В том числе и для меня, так как ещё в юные годы заинтересовался отечественной историей. Первый раз прочитал эти романы, объединённые общим сюжетом, в 20 лет, второй раз в 40 вместе с дочерью, и в 60 написал композиционный портрет автора этих книг П.И. Мельникова-Печерского. Описанное в книгах нижегородское старообрядчество, расцвет ярмарки, быт Нижегородского края и удивительно увлекательный сюжет, написанный замечательным языком, сделали это произведение и энциклопедией нижегородской жизни XIX века, и литературным шедевром. Л. Аннинский следующим образом характеризовал роман: Аналогии стилистике Андрея Печерско-

го надо искать не столько в психологической прозе, сколько в старорусской живописи: в иконе и фреске. Ясность тонов, определённости красок. Взять пейзажи Печерского, самый их ритм: от них ощущение — как от иконописи.

На меня это произведение произвело огромное впечатление и повлияло, можно сказать, на дальнейшее развитие творчества на долгие годы. Было неотступное ощущение, что я в долгу у этого удивительного писателя, и более того, именно у этих книг. Многие годы думал о картине, главное, искал композиционное решение. Созрело понимание, что писательская фигура должна находиться в центре, символизируя реку истории. Могучая река и в прямом смысле является неким водоразделом в сюжетной линии книг и в их названии: «В лесах», имеется в виду развитие сюжетной линии в керженских и ветлужских лесах Заволжья и нижней части Нижегородчины, «На горах» — символически называется нагорная холмистая часть губернии. В картине могучий осокорь олицетворяет Древо Жизни, но в данном случае своим силуэтом и смысловой нагрузкой аллегорически символизирует церковный раскол, получивший прописку и развитие на нижегородской земле. Изображённый на картине правобережный откос с вековыми лесами имеет старинное название Слуда, ныне называется Швейцарией за свою эпическую красоту. В романе «На горах» писатель описывает эти места, где также находилось имение его жены — Ляхово. Оно располагалось на большом почтовом Арзамасском тракте в 8 верстах от Нижнего Новгорода. От дороги оно было отделено дубовой рощей и 200-летними липовыми аллеями. Выражая свою искреннюю привязанность и заботу о первозданности этих земель и лесов, писатель в порыве откровенности сообщил читателям, что пока он будет жив, ни один топор не коснётся этих вековых деревьев.

Мельников-Печерский в 50-е годы XIX века был назначен чиновником по особым поручениям и занимался исследованием и искоренением старообрядчества. Одновременно он проявил себя как этнограф, краевед и историк. Он понимал, какой вред для государства создаёт религиозный раскол. Однако, как государственный деятель и как писатель, он утверждал о невозможности силового искоренения старообрядчества. Более того, он проникся симпатией к керженским и другим нижегородским староверам, понимал их уникальность. Увлечённый их самобытностью, первоначально писал рассказы о старообрядчестве. Во время путешествия по Волге в 1861 году цесаревича Николая Александровича его сопровождал писатель Мельников-Печерский. Когда они посетили Лысково, речь зашла о раскольниках заволжской стороны, и цесаревич посоветовал сочинить повесть о жизни в лесах, так появилось заглавие первого романа. Потом это вылилось в выдающееся литературное произведение в 4 книгах.

*В лесах нижегородчины
И на горах — холмах
Молитвенная отчина
В раскольничьих домах.*

*Писателю Печерскому
Народный голос пел...
Раскол вероучительный
По древу пролетел.*

*Певцом нижегородчины
Запечатлён в сердцах,
Молитвами за отчину
Прославлен в небесах!*